

ВЫ ХОРОШО ДЕРЖИТЕСЬ В СЕДЛЕ

Дом актёра - 2002 - № 69 (сент.) - с 8-9, 10.

Очередной гость редакции «ДА» — народная артистка СССР Людмила Касаткина. Людмила Ивановна — звезда советского кинематографа и театра, но на восхищенные возгласы скромно отвечает: «Славы мне не надо, ничего не надо» — и переводит разговор с себя на других. На самом деле Людмиле Ивановне всегда надо ого-го сколько, хотя, как правило, не для себя лично. Она любит помогать людям — многим помогла, и многие поминают ее добрым словом. Она — одна из самых, извините за выражение, активных общественных деятелей в театральном мире. А проще — отзывчивая русская женщина.

Людмила Ивановна оказалась активной читательницей «ДА».

Традиционно беседа с Людмилой Ивановной проходила за столом, с вареной картошечкой и селедочкой (каковые никто не ест всухоматку), сопровождалась тостами и, конечно, одой, посвященной дорожному гостю.

ОДА

Людмила Ивановна Касаткина — легендарное имя нашего театра и кино. Вероятно, ее балетное детство — четыре года в хореографической студии — научило держать спину, воспитало дисциплину и волю, мужество и ответственность.

Касаткина — актриса отчаянно-го куража. Ради убедительной правды она переступала через страх, входя в клетку с тиграми. К хищникам входила не трясущаяся от страха барышня, а освоившаяся хозяйка, знающая как обходиться с шамберьером и палкой. Она едва не погибла на съемках фильма «Вызываем огонь на себя», когда взрывная волна разнесла на куски жестяное корыто, осколки которого полетели на актрису. Слава Богу, у осветителя, стоявшего рядом, быстро сработала реакция, и он просто спас ее. Те, кто смотрели фильм «Операция «Трест»» вряд ли знали о том, что на съемках этой картины Касаткина получила опасную травму — трещину в позвоночнике. Она упала с лошади. Перепрыгивая через барьер, лошадь сделала «свечку», поскольку шел грузовик. Касаткина не удержалась в седле — редкий случай. Однако, несмотря на боль, она ради съемок снова сядет в седло, игнорируя категорические запреты врачей и их неутешительные прогнозы. Ее предупредят, что после галопа ради съемок красоты осени, боль в спине будет столь страшной, что не кричать, а выть будет от боли. Прогноз оправдался. На этот раз Касаткина осталась в седле, хотя на седло сажали и с седла снимали с носилок.

Миллионы знают Людмилу Касаткину благодаря выдающимся работам в кино, но многие также знают ее как большую театральную актрису. Выпускница ГИТИСа, приглашенная Алексеем Попо-

вым в Театр Советской Армии, она стала одной из любимых его актрис и заняла лидирующую позицию, несмотря на то, что в труппе на первых ролях была прекрасная актриса Людмила Фетисова. Из первых рук Касаткина получила роль Катарины. Невероятно, но Людмилу Ивановну вводили, а первой исполнительницей строптивой шекспировской героини была легендарная Любовь Добжанская. Касаткина выстояла и в этом сравнении.

Редкий случай, когда восстановленный спектакль с фантастическим дуэтом — Касаткиной и Андреем Поповым — послужил основой для знаменитого филь-

ма женщины, что на пороге старости переживают как последние. Это и играла Касаткина.

Было много ролей. Премьерная роль прошлого сезона Людмилы Ивановны — миссис Сэвидж. Театралы помнят в этой роли Раневскую, Орлову, Марецкую, Шапошникову. Но Касаткина находит свои краски. Оказывается, можно жить и в доме для душевно больных, куда ее сдают приемные дети. Можно смеяться от души над их скaredностью и жестокостью, а в глубине печалиться о падшем человеке и оставаться победительницей, несмотря на столь не победительный антураж.

Один из героев в финале этой пьесы неслучайно говорит Сэвидж: «Черт подери! вы хорошо держитесь в седле». Но в седле умеет держаться не только ее героиня, но и та, что играет героиню.

— По-моему, одно из противнейших времён в России. Я ни одного дня не была в коммунистической партии, хотя предлагали не раз. Не довелось. Все были коммунистами, а мне удалось увернуться от этой чести. Когда меня убеждали, то я знала, как грамотно отвечать и говорила: «Не доросла». Сейчас партий несколько, и мне в каждую вступить предлагают. Звали в «Яблоко». Тулеев — мой неизменный поклонник. Зюганов постоянно поздравляет. Все уговаривают. «Я уже старая, — отвечаю им, — давно состою в своей партии». — «В какой, если не секрет?» — «Моя партия называется «искусство».

— Но вы — человек общественно активный.

— Делаю что могу. Детским домам помогаю, мальчика одного от тюрьмы спасла... Для этого мне совсем необязательно быть в какой-то партии. И не могу понять той зло-

Рабинович, царствие ей небесное... А сейчас кто пишет? Не принимаю пустоты в современной критике.

Я не против молодняка и в театре помогаю молодым, как могу. Одной девочке, выпускнице нашего курса, квартиру выцарапала у Лужкова, бесплатно! Она восемь лет на сундуке спала. Я к Лужкову ходила два месяца. В девять утра он приходит, а я ему: «Здравствуйте!».

— К вам пришла оглушительная слава после «Укротительницы тигров». Этот фильм в свое время ведь показывался в Канне? Отпустили ли вас во Францию?

— «Укротительница тигров» — первая моя картина. Тогда каждая страна выставлена на Каннский фестиваль, помимо конкурсной программы, какую-нибудь комедийную ленту. Наши остановили выбор на «Укротительнице тигров». Меня, не коммунистку, в 1956-м году оформили за три дня и отправили!.. Необходимое условие тех лет, чтобы профсоюз был за меня, партия за меня, начальник театра, генштаб и т. д. И, тем не менее, все-таки меня выпустили на Каннский фестиваль. Я это вспомнила сейчас только потому, что я там очень многое поняла о нас, о них еще тогда. Потом тридцать три страны облетела с фильмом «Помни имя свое». Каждая страна оставила яркие впечатления. «Помни имя свое» имел огромный успех. Если бы его возили, как «Летят журавли», успех был бы не меньшим. Но многое зависело от чиновников, которые пускали или не пускали фильм по каким-то своим личным причинам.

— Но ведь вы получили Госпремию за фильм «Помни имя свое».

— Случилось чудо. Сергей Михалков очень надеялся, что Госпремию дали фильму Андрея Кончаловского — «Романс о влюбленных». И мы были уверены, что так оно и будет. Вдруг совершенно неожиданно получаем премию двадцать тысяч на пятерых, т.е. по четыре тысячи на человека. Колосов никогда не соглашался выдвигаться на премию один. Мы сделали прием в Доме кино. И осталось по сто рублей у каждого.

— А как все-таки в Канне приняли фильм «Укротительница тигров»?

— Я, приехав туда, попросила у жены дипломата платье. У меня же не было соответствующего гардероба. Так то платье превратилось в ключья — эмигрантки первой волны, от волнения, рыдая, меня так обнимали, что мне пришлось платье приводить в порядок, всю ночь из кусков сшивать заново. Надя Леже, Пикассо — все выражали восторг, но это не важно.

— Пикассо и Леже не важно!!!

— Фернан Леже после моего фильма сказал, что он не зря полюбил русскую женщину (известно, что его жена Надя — русская), потому что у русских женщин ноги — вот такие и жестом нарисовал округлые формы. В этом отношении он не был удовлетворен формами соотечественниц и сказал, что у францушек-то ноги как палочки, как спички. Если рассыпать коробок — спички все одинаковые. И вот Леже говорил, что смотрел на мою работу в кино как зачарованный. Он очень смешной был. Большой такой Кола Брюньон, все время

К/ф «Укротительница тигров»
Леночка

Т/ф «Вызываем огонь на себя»
Морозова

Т/ф «Закон Ликурга»
Роберита

ма, признанного европейскими мастерами. Приз за лучшую женскую роль с фестиваля Монте-Карло в 1962 году, в жюри которого входили Феллини, Бертолуччи, привезла в Россию Касаткина. С тех пор в Монте-Карло ни одна из наших актрис не была удостоена такого высокого признания высокими мастерами.

Вероятно, неслучайно эта роль стала одной из значимых в биографии артистки. Бьющая через край энергия, любовь к жизни, выраженная в ежесекундном восторге перед бытием сочетается с потаенным лиризмом, и, вместе с тем, озорством, лукавством, милым женским капризом.

Понятие возраста особенно для актрис — категория неумолимая. Однако Касаткина справилась и с этим переходом к ролям зрелых женщин, сумев сохранить в себе свою органику. Лейди Торренс в пьесе Уильямса «Орфей спускается в ад» она играла двенадцать лет. Чем не рекорд Гиннеса. Жажда жить — вот лейтмотив роли и готовность заплатить за это самую дорогую цену. Ее героиня почти вызываясь отстаивала право на любовь в сорок лет, право на ребенка, зачатого от молодого любовника. Есть те пережива-

— Мы всегда спрашиваем у гостя, в какой степени мы правы в представленном портрете гостя?

— Все — правда. После Тамары Чеботаревской, Царствие ей небесное, которая написала про меня маленькую книжечку, больше книжек обо мне не было. У меня нет ни к кому претензий. Что я такого сделала, чтобы писать обо мне? Мой супруг решил было (имеется в виду режиссер Сергей Колосов) написать воспоминания о нашей жизни. Я отговаривала: «Сережа, что ты? Сейчас столько мемуаров издано. Все их пишут, неужели кто-нибудь это читает?». И вдруг вижу в газете аннотацию на книгу о Любове Петровне Орловой. Написано примерно так: «В книге рассказывается о том, как она получила роль, пройдя через диван Александрова. А, вообще-то, Александров жил с Эйзенштейном, а Эйзенштейн с тем-то и т.д.». Я заплакала и подумала: «Сволочи! Даже если бы это было так... Их уже нет в живых — они не смогут тебе ответить. Какое твоё дело! Кто с кем спал?!» И решила — надо правду о себе написать самим. Пусть не опубликуем книгу, но она будет написана нами, и труднее будет про нас врать.

— Вам не нравится нынешнее время?

сти, с которой многие друг к другу относятся сегодня. И сейчас огромное количество людей обездолено, нуждается в помощи и поддержке. Все время вспоминаю стихи мудрого Расула Гамзатова.

«В Индии считают, что змеи
Первыми на землю приползли.

Горцы верят, что орлы
Древнее прочих обитателей земли.

Я же склонен думать, что вначале
Появились люди. А позднее

Многие из них орлами стали,
А иные превратились в змей».

Слава Богу, и сегодня остались орлы, способные защитить актера одной-двумя фразами. Я к вам пришла, потому что такие две такие фразы прочла о себе. Та строчка в газете поддержала мои силы. Не говорю, что сейчас надо писать, как раньше. Но как упал уровень... Я всегда сначала смотрю, кто написал статью, а потом только читаю или не читаю. Раньше писали рецензии, а сейчас интервью, интервью, многие из них ни о чем.

Как-то раньше не так приставала к людям пошлость. У критиков нашего поколения было мышление, стиль, умение образно писать. Маечка Туровская, Инночка Вишневецкая, Инна Соловьева, Риточка

шутил, рюмочку любил пропустить. Коммунистической партии жуткое количество денег дал. Луи Арагон, Эльза Триоле, — тогда состоялось много запоминающихся встреч с прекрасными, талантливыми людьми.

— А как вы относитесь коммунистической партии?

— Я имею основания, как многие, критиковать ее. Мой папа, рабочий человек, был коммунистом и последнюю копейку из семьи отдавал этой партии. Когда он сломал ногу на работе, ему ни копейки не прибавили к пенсии. В основном эта партия работала на себя. Теперь же, если человек в чем-то нуждается, ему надо ходить с протянутой рукой, за него никто не заступает, а бедных людей стало больше. С другой стороны, стало свободнее, можно ездить по миру. Когда мы встречаемся с Михаилом Сергеевичем Горбачевым, он обнимает меня, я ему говорю: «Вот теперь поняли, что раньше нужно было в социал-демократию идти».

— А с президентом Владимиром Путиным вы знакомы?

— Сiju я с Иосифом Кобзоном, Наташей Гундаревой на президентском приеме 9 Мая. Вдруг топот. Все окружили Владимира Владимировича, бедного, все чего-то говорят, чего-то просят. Потом наступает тишина. И Наташа мне говорит: «Люся!» Я поднимаю глаза — стоит Путин. «Здравствуйте!» — говорит — Людмила...» — «Ивановна. Здравствуйте, Владимир...» — «Владимирович» — «Я вас поздравляю». А встреча проходила через два дня после инаугурации, и все его наперебой его поздравляли. «И я вас поздравляю, — говорю. — С Днем Победы». Пауза. — «Владимир Владимирович, не обманите наших надежд. Желаю вам успеха». Он опустил глаза и сказал: «Постараюсь».

— Кого Вы всегда зовете на свои спектакли, чтобы услышать правду? Кто тот человек, которому кому вы верите абсолютно?

— Раньше таким зрителем была моя мама — самый честный человек с пятью классами образования. Она умерла в семьдесят восемь лет в 1984 году... Ее мнение являлось для меня самым важным. Она многому меня научила. В детстве раз и навсегда вылечила от зависти. Было мне лет одиннадцать. Прибегаю вся в слезах. У моей подруги платье новое. А я хожу штопаная вся. Вчера выстирала платье — опять дырка. И вдруг у мамы краснеет лицо, глаза делаются больше, наливаются слезами, и она мне говорит: «Какое горе! Моя дочь завистлива. Ты же не прибежала сказать радостно, что у твоей Нади новое платье. Ты плачешь. Дрянь!» И как даст мне по лицу!...

Я всегда прислушивалась к мнению и оценкам Алексея Дмитриевича Попова.

Очень тяжело переживала начало войны. Я семеро суток добиралась из-под Вязьмы до Можайска по проселочным дорогам — 120 км. Тысячи людей бежали, отступала армия. А мама двигалась мне навстречу: доехала до Можайска и хотела ехать в Вязьму. А ей говорят — там бои. Она металась. Я же в это время сидела в одной деревне на крыльце, обнявшись с псом, — в дом меня не пустили ночевать. И вот я встала — мама меня увидела. Это был самый счастливый момент в моей жизни. Потом мы пять дней ехали в тамбуре в Москву. Пути Господни неисповедимы. Я видела в эти дни столько

крови, столько детей кричащих, столько матерей, рвущих на себе волосы, — мне после этого ничто не страшно. И после этого может быть только правда.

— Людмила Ивановна, вы ведь работаете только в Театре Армии?

— Не-е-ет! Я с удовольствием работала в антрепризе. Мы играли легкую пьесу «Хочу купить вашего мужа за доллары», везли. Провезли этот спектакль по всем театральным российским городам. И вот когда был мой юбилей, какой-то господин пришел за кулисы и говорит: «Я ваш соотечественник, но из Америки, из еврейской диаспоры. Готов пригласить вас на гастроли, если выдержите за месяц турне по двадцати городам Америки. Вы будете иметь успех! Я вам прямо говорю, будем перелетать с самолета на самолет, иногда ездить ночью, но зато вы увидите Америку. Конечно, много мы вам не заплатим...» Ну, это-то мне стало ясно с самого начала. Я говорю: «Сейчас не время, давайте вернемся к этому разговору позже». Но он так на меня наел... В конце концов согласилась. Майами, Даллас, Чикаго, Сан-Франциско, Лос-Анджелес... Увидела Америку не показную, совсем другую.

— Людмила Ивановна, вот вы играли актрис — Кручинину и Марию Гавриловну Савину в «Элегии», в одном случае — персонаж вымышленный, в другом — реаль-

ное возвращение любимого писателя на родину. Только это. Спектакль двенадцать лет шел на аншлагах, хотя поставлен был на двух актеров, но тем не менее пользовался успехом у публики. Вообще, трагическая судьба была у Тургенева. А сейчас я нахожусь под ужасным впечатлением от разговоров о возможной приватизации исторических памятников. Кто-то сможет купить Спасское — Лутовиново!

— Вам нравятся чеховские героини?

— Мне нравится его ирония. В рассказах и пьесах. И в образах женщин.

— Как вы объясняете свою малую занятость в театре?

— Многие режиссеры любили со мной работать. Это — А. Д. Попов, Д. В. Тункель, И. П. Ворошилов, А. Б. Шатрин, Б. А. Львов-Анохин, А. Л. Дунаев, А. В. Бурдонский. Но потом пришли Р. И. Горяев, Ю. И. Еремин, Л. Е. Хейфец, Б. А. Морозов. Почему? Спросите у них.

— Вы сыграли миссис Сэвидж?

— Одиночество, вот что меня угнетает, сражает — ради этой темы я согласилась на эту роль

— А кто выбрал пьесу?

— Выбрал Колосов. Он как раз первый и сказал мне, что пьеса написана про оди-

ного. Зрители меня не отпускали двадцать минут. Я уже не знала, что делать. И я встала на колени и поцеловала сцену магданского театра, по которой ходили Георгий Жженов, Юрий Кольцов и другие страдальцы.

Играла вместе с хорошими актерами этого театра, которые проклинают Гайдара, снявшего северные надбавки... Раньше они могли хотя бы на два месяца своих детей, не видящих белого света, вывезти куда-нибудь отдохнуть. А теперь это невозможно.

Лечу обратно. Билет стоит от Магадана до Москвы 10 тысяч. И в самолете одна женщина ко мне кидается: «Моему ребенку пять лет, меня заставляли купить ему билет, а я так пробралась в самолет. Помогите, чтобы меня не выгнали!» Я ее успокаиваю: «Не волнуйтесь, посадки до Москвы не будет, вам надо отдохнуть, вы перенервничали». Я легко с людьми контактирую, и мне люди доверяют.

— Сколько лет вы вместе с Сергеем Николаевичем?

— Пятьдесят лет. А свадьбу мы сыграли в 1951 году. Пришли Нина Ольшевская, Виктор Ардов, Кирилл Молчанов, Андрей Попов, Андрей Петров. Есть нечего. Мы были очень бедные... А потом я все проверяла до 53-го года, любовь ли это. И вот, поехали мы с ним отдыхать в Пярну и ре-

машу Кураж». — «Нет, я не смогу, это не мое, не понимаю Брехта, что это такое, меня другому учили!» Вот по пьесе мне приносят сына мертвого. Я понимаю, что не должна себя выдать, если выдам, погибнут другие мои дети, но не понимаю, как я это сделаю? Не могу замереть и сидеть. Я не хотела, чтобы в спектакле пелись зонги, но Алексей Рыбников написал их гениально. Под Выборгом, где шла съемка, есть места, где только песок, камни, и когда идет дождь, песок мокрый, колеса повозки в нем вязнут, потому что решили сэкономить и сделали колеса как у телеги. Там у меня выскочил позвоночник... я плакала от боли. А Сергей мне говорил: «Потерпи еще немножко, нельзя сейчас уехать»... Не буду рассказывать...

— Работа актрисы так же травматична, как большой спорт... Не только физически, но и психически.

— Во время съемок фильма «Помни имя свое» я несколько раз теряла сознание. А после фильма три месяца пролежала в больнице с белокровием. Меня спасли, потому что болезнь не имела органических причин, а развилась от нервных стрессов.

— Как вам работается с Колосовым режиссером?

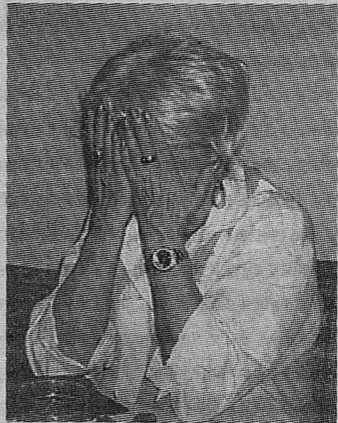
«Барabanщица»
Нила

— Тяжело, потому что боюсь обмануть его надежды. Боюсь все время, что тебя будут упрекать, как упрекают других, в том, что муж тянет свою бездарную жену за уши. По ночам я говорила себе: «Ты не должна обмануть его надежды, ты должна крылато сыграть». Когда я с чем-то не соглашаюсь, то прошу разрешения сыграть свой вариант — второй дубль. Третьего дубля не прошу. Твой вариант и мой вариант. На монтаже выберет. Для актрисы, которую снимает в кино муж — режиссер, означает одно: повышенную ответственность. Впрочем, не для всех, бывает и наоборот. Случалось, что заходила в тупик и признавалась: не могу играть, не понимаю. Он отвечал: ты партнерше своей помощи, ей труднее. Начиная помогать и находила свое.

Никогда не знаешь, где найдешь. Однажды я спрашиваю сына, что такое импровизация. — «Завтра пойдем на урок, и ты услышишь». И вот пять человек в аудитории играют тему «Во поле березонька стояла». Тема одна, а каждый чувствует ее по-своему. И тогда я сказала: «Боже мой! В моей профессии

В редакции

«Укрощение строптивой»
Катарина

ное лицо. Отличаются для вас эти роли друг от друга? Как играть не выдуманную артистку?

— Про Марию Гавриловну Савину не написано правды. Ее письма ведь были брошены Полиной Виардо в камин. Так что их не существуют. Савина была непростым человеком со «стервозным» характером, с жестким отношением к людям, ревниво оберегавшим свое первое положение в труппе. Я бы с удовольствием сыграла такую Савину. Если бы правду сыграть о ней, то получилась бы потрясающая роль.

— Вы знали, что в пьесе образ Савиной не соответствует, на ваш взгляд, действительности?

— Знала, и потому выбрала только одну линию: борьбу русской интеллигентки за

ночество. Все говорили — ах, материал архаичный. Я ее даже читать не хотела сначала. А прочла и поняла, что Колосов прав. Знаете, я играла «Сэвидж» в Магадане. Их театр, который также поставил эту пьесу, пригласил меня сыграть. Я с удовольствием полетела. Не буду говорить про Колымский тракт, который тянется тысячу километров, не буду говорить о Голове скорби, скале, превращенной Неизвестным в мемориал. На вершине звонят колокола, а люди проходят через камеру, чтоб с самого высокого места увидеть берег, к которому приставали баржи, шедшие с заключенными из Владивостока два с половиной месяца. Когда люди умирали от холода, их сбрасывали в море. Те, кто выживал, поднимались по мокрому песку на очень высокий берег. И вот мне удалось увидеть все

шили вместе поселиться в одном номере. А нас не селят — мы не расписаны. Ну, вот тогда и решилась окончательно.

— В списке ваших ролей брехтовская Мамаша Кураж?

— Я никогда не понимала, что такое остраение. Отчего нам остраиваться? Зачем? Почему? Колосов мне долго объяснял. Когда я начала читать стихи, произведения Брехта, я вдруг ощутила его как человека. А потом узнала: он в конце жизни мечтал, чтобы кто-нибудь из его ассистентов сделал два шага назад к системе Станиславского. При чем до этого он позвал хороших актеров, пригласил Симону Синьоре, хотел ставить. Но не получилось: «Простите, не получается, все свободны. Кто-нибудь из моих последователей это совершит». И вот русский человек Колосов говорит мне: «Ты будешь играть

точно также». Вот так мне сын, Алеша, подарил открытие. А через некоторое время и Андрей Попов сказал замечательно: «Чем заданнее артист, тем он посредственнее».

— Людмила Ивановна, в вашем репертуаре был «Ревизор». Вы играли Марью Антоновну.

— Сколько актерских удач состоялось в этом спектакле! Добржанская, Хохлов, Сазонова, Константинов, Ан. Попов — все, все, все! Таланты! Добржанская — Анна Андреевна — меня больно щипала. У меня даже синяки оставались. Подсознательно боясь этой боли, я старалась ластиться к отцу. Получилась дочь своего отца. Любовь Ивановна была великая. Она умела, например, монолог на полторы страницы произнести без единой точки. Я шестнадцать раз слушала, как она это делает, у нее училась. Какую перспективу роли видела она! У меня текста гораздо меньше, а я шесть точек сумела поставить. Ее мастерство приводило меня в совершеннейший восторг. Надо уметь учиться — это я всегда своим студентам говорила. Три курса мы выпустили с Колосовым. И я еще раз убедилась: это аксиома — научить нельзя никого. Кто захочет — может научиться, если выберет у кого и чему. Мы у мастеров учились все время. У нас были шефы. Мы просили, чтобы они смотрели наши спектакли, анализировали. Нынешнее поколение не интересуется наше мнение. Они нас ни о чем не спрашивают. Петр Александрович Константинов, Андрей Петров, Корнев, Анд-

став. Ну, не обижайся, она очень остро играет. У тебя мягче получится — ну, ты другая». Он чуть не плакал. «Успокойся! Сядем». Сели мы есть, пить. Володин опрокидывает бокал красного вина на штаны. Стираем, вешаем сушить. И он до пяти утра у нас сидит и уговаривает меня сыграть роль. Я поддалась. Спектакль шел долго. Или «Барабанщица». Люся Фетисова была ярко характерная. Ее интересовала «овчарская» линия: как ее героиня работает на немцев. А меня волновала комсомольская линия. Интернационал! играют — стою и плачу. Помню, шел спектакль в день, когда погиб космонавт Комаров. Все плачут на улице. Я прихожу в театр, начинаю играть, беру свой баян — и понимаю, что не могу. В тот день эту сцену провела совершенно по-другому. И зрителей очень быстро взяла — они почувствовали, что мне тоже больно.

— Вы говорили о том, как вам везло с партнерами. Наверное, один из самых дорогих партнеров был Андрей Алексеевич Попов?

— У меня случилось большое горе. Андрей Попов пришел к нам, спрашивает у Сергея: «Как Люся?» — «Плачет». Он вошел без стука. Я босая, в халатике. «Ну, сядь ко мне на коленку. У тебя уже лицо вспухло. Давай умоюсь холодненькой водичкой», — утешал меня как маленького ребенка. Как он старался меня вывести из отчаяния в этот день, чтобы я отыграла спектакль. Мне надо выйти на сцену, чтобы сказать: «Здравствуйте!» — и подать ему руку. В ответ он должен подать мне руку. Вот так, мягко. Вдруг: «Дз-з-з-з-з...» Муха. Я ничего не понимаю. Отпускает руку и видит, как муха улетает: «Дз-з-з-з-з...» Он придумал муху, чтобы меня отвлечь.

Когда его хоронили, был полный зал народу. Я не помню, что говорила, — сознание потеряла, Сережа меня тащил. Не могла представить, что осталась без Андрея. «Я» — как все-таки эгоистично...

— Есть какая-то роль, которую вы мечтали сыграть и не сыграли?

— Джульетта. Но я увидела один из последних спектаклей Улановой и была потрясена. Спектакль Большого театра открыл мне музыку Прокофьева, к которому до тех пор была равнодушна. Я видела пять Джульетт, но ни одна не приблизилась к тому, как играла Уланова. После я сказала себе: не имею права даже приближаться к этой роли. Она не играла, не танцевала... Уланова импровизировала. Ромео был не важен. Я видела только ее, юную Джульетту, ощутившую вдруг в свои четырнадцать лет грудочки...

— Вы лично были знакомы с Галиной Улановой?

— Да. Когда был ее вечер в Большом театре, она просила меня вести его, но я, к сожалению, была нездорова. После этого мы несколько раз разговаривали по телефону. Как-то Галина Сергеевна мне звонит в апреле: «Я одна. Все комнаты закрыты. Сажу в валенках. Приходите». — «Можно завтра?» — «Можно. После обеда». В этот день она скончалась.

— А кто еще был для вас кумиром?

— Я умирала, например, по Добронравову. Один раз

«Ваша сестра и пленница»
Елизавета Тюдор

посмотрев его в «Дяде Ване», я никого другого, кроме него, наверное, целый месяц не видела. Я так его жалеяла, так участвовала в его судьбе, так хотела ему другой, лучшей жизни...

— Как люди реагируют, когда вас узнают на улице?

— Когда узнают, иногда бурно.

— А что, случается, не узнают?

— Ну, они же не могут представить себе, что Касаткина едет в метро с ними вместе. Вот мы ехали с внучкой, я стала задыхаться. «Давай постоим...» Выходим, и она говорит мне: «Все, Людочка, в последний раз ты ехала на метро, я буду от своих завтраков каждый день откладывать тебе на машину». Однажды пошел ливень, машины нет, я влетаю в трамвай. И ко мне кидается женщина: «Господи, до чего же мы дожили, Касаткина, любимая артистка, в трамвае ездит!» Я говорю: «Не расстраивайтесь так. У меня есть машина. Просто она на ремонте». Иногда трудно идти по улице. Каждая третья женщина обращается: «Как вы прекрасно выглядите! Дай вам Бог здоровья...»

— Людмила Ивановна, поразительно, как вы интенсивно живете, принимаете участие в судьбах людей, откликаетесь на просьбы, помогаете!

— Я засыпаю и говорю себе: те люди, которые тебе дороги, не забывая их, встречайся с ними, не бросай этих людей. Так Господь диктует. Неискренние, нехорошие люди — не нужны. Любовь к искусству объединяет и буддет объединять. Мы связаны с ним, мы жизнь ему отдаем, мы хотим служить ему, и, в общем, оно чем-то нам отвечает. Не расставайся с близкими людьми, даже если нет сил, нет времени. Было у меня два друга Юрочки. Юрочка Гагарин и Юрочка Никулин. Один из-под Можайска, другой из-под Вязьмы. Оба кричали: «Моя землячка!» Я ведь из-под Вязьмы. А встречались мы с ними так. Гагарин приезжал, у него не было времени по пути заскочить в телефон-автомат, чтобы позвонить и узнать, дома я или нет. И поэтому: дзи-и-и-и... Никого нет. Он кидал цветы и конфеты около закрытых дверей и убегал. Потом звонил: не свистнули? Никулин знал, что я с детства не люблю черную икру. Мы с братом ею как-то отравились. Селедка с картошкой — и все в порядке. Юра Никулин звонил и говорил: «Люсь, Таня купила селедку. Иваси называется. Почистили, порезали, в баночку сложили, лучком присыпали, маслом помазали. Ставь варить картошку. Едем!»

Вопросы задавали:

Ольга Галахова, Павел Тихомиров,

Дмитрий Кошмин, Михаил Яруш.

Расшифровка Александры Лавровой

Фото из архива актрисы

«Ревизор» Марья Антоновна
Хлестаков — Андрей Попов

рей Попов — их оценка была для меня очень важна. Я только не решалась мнения у Любви Ивановны спрашивать — боялась.

После «Укротительницы тигров» в театре зрители ждали только меня. Мне было неловко, больно, ведь какие артисты рядом со мной играли!

— А кто из ваших студентов сейчас работает в театрах?

— Женя Добровольская во МХАТе. Ира Бякова, Валентин Клементьев, Алиса Богарт, Ролан Радов, Жанна Балашова, для которой я квартиру выхлопотала.

— Это она дочку играла в «Мамаше Кураж»?

— Она.

— Как вы относились к своим вкладам? Чем они отличаются от премьер?

— Вот, допустим, «Фабричная девочка». 1958 год. Фурцева запрещает спектакль. После этого к нам домой приезжает Саша Володин. «Люся! Я тебя умоляю, сыграй, тебя назначили во второй со-

С мужем и режиссером Сергеем Колосовым

Елена Королева

Народная артистка России

«Вызываем огонь на себя»

У нас на съемочной площадке бывали сложные отношения. Людмила Ивановна помимо таланта восхищала работоспособностью. Иногда она даже руководила съемками. Близких дружеских отношений у нас тогда не было. Я потом поняла, что она и Сергей Николаевич Колосов ко мне хорошо относились. Знаете, у меня ведь характер не сахар. У Людмилы Ивановны тоже характер. В молодости я, правда, о себе думала иначе. Однако, когда мне по секрету сообщили, что на обратной стороне моей фотографии в картотеке киностудии им. Горького была написана предупредительная для режиссеров фраза: «Очень плохой характер», то пришлось отнестись к себе с большей осторожностью. Касаткина строптивая — я тоже, она мгновенно выдает реакцию — я тоже, вообще у нас схожий строй души, что, вероятно, не сближало, а усложняло наше общение.

Однажды случилась стычка, ссора из-за актрисы Изольды Извицкой. Мне показалось, что к ней проявлялась несправедливость со стороны режиссера и ведущей актрисы. Я встала на ее защиту, хотя никто Изольду особенно не обижал. Сергей Николаевич вообще — человек спокойный, что не мешает ему быть ироничным, уметь привести в чувства на площадке.

Помню, и до сих пор с благодарностью к Людмиле Ивановне вспоминаю один эпизод на съемках. Она танцевала цыганочку, а я по фильму — ее подруга — стояла в массовке, восхищенно смотрела на нее, хлопала в ладоши, поддерживала. Касаткина, заметив это, бросилась к Колосову: «Сними крупный план Лены! Сними Лену». Сергей Николаевич отказывался: «План не войдет». И план мой, действительно, не вошел, но воспоминание об актерской солидарности греет душу.

Случались смешные истории. Помню, как мы с поляками выкрали все бутерброды, которые заготовила Людмила Ивановна на ночную съемку. Бутерброды были вкусные, и мы их мгновенно уничтожили. Ночные съемки являлись изнурительной необходимостью группы, поскольку вечерами я была занята в репертуаре театра.

Вспоминаю эту атмосферу с ностальгией. В съемках участвовали поляки, они вносили какую-то легкую романтику в отношения. К ним приезжали красавицы-жены. Когда они увидели Изольду, то восхищенно бросились к ней и кричали: «Сорок первый! Сорок первый!»

После фильма мы общались мало, а потом встретились как родные. Недавно смотрела какую-то передачу об интервьюере. Людмила Ивановна так замечательно, совершенно неожиданно делилась своими размышлениями, что заставила меня с вниманием и интересом ее слушать.

Недавно была на творческом вечере Людмилы Ивановны, который прошел прекрасно. Она страшно волновалась, мне показалось странным такое волнение такой известной и признанной актрисы, хотя понимаю, что я бы, наверное, волновалась точно также. Что еще сказать о ней? Она — бесспорная индивидуальность.

Геннадий Крынкин

Народный артист России

Актер ЦАТРА

Остро помню свое впечатление от киноработ Людмилы Ивановны «Медовый месяц», «Укротительница тигров». Тогда я не был еще артистом. Потом так случилось, что меня пригласили в театр Армии, где уже работала Касаткина. Мог ли я тогда предположить, что буду играть на одной сцене с актрисой, которой восхищался, как и миллионы зрителей.

Людмила Ивановна очень интересная актриса. Мне повезло. В нескольких спектаклях я играл с Людмилой Ивановной: в «Транзите», в «Дяде Ване» (я играл Астрова, она Елену Андреевну), в «Оптимистической трагедии» (я играл Вожака, она — Комиссара), в «Без вины виноватые» (я — Мурова, она Кручинину).

Имя Касаткиной — в плеяде замечательных актрис. Я не говорю об ее значительном вкладе в кино, хотелось бы сказать о ней как актрисе театра, поскольку работал с ней.

Людмила Ивановна — настоящая актриса нутра и, вместе с тем, подлинного перевоплощения, громадного юмора, по-настоящему хорошей школы. Она — человек с таким стержнем! Касаткина — мастер, за что я как партнер ей благодарен.

По-человечески, в жизни Людмила Ивановна отзывчива, умеет помочь в трудную минуту. Не хочу конкретизировать. Конечно, она — непростой человек, как, впрочем, любой талантливый человек.